

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

М. А. Болдырева

В. С. РЕНДРА И Ф. ГАРСИА ЛОРКА

В творчестве выдающегося современного индонезийского поэта В. С. Рендры (род. в 1935 г.) можно обнаружить реминисценции поэтических образов, некоторых мотивов поэзии, а также моментов поэтики Ф. Гарсиа Лорки.

Не стремясь доказать существование непосредственного влияния поэзии Лорки на В. С. Рендру, — тем более, что сам Рендра склонен отрицать это влияние, — и не претендуя на установление типологических общностей испанской и индонезийской поэзий, нам было интересно проследить некоторые черты сходства в творчестве поэтов, одного — жившего и другого — ныне живущего на разных концах нашей планеты.

Сходны прежде всего сами их творческие индивидуальности: Рендра, как и Гарсиа Лорка, не только поэт, но и драматург, и актер. Рендра пишет пьесы, ставит их, играет в них сам, создавая спектакли, которые наполовину являются импровизациями, — эта его артистичность заставляет вспомнить Лорку — замечательного испанского поэта, драматурга и актера-импровизатора.

Одной из тем "Цыганского романсеро" Лорки является тема гонимого, преследуемого, пленника, — она присутствует и в других

стихотворениях Лорки, который всегда был не с победителями, но с побежденными. Эта же тема проходит через всю книгу стихов "Баллады влюбленных" Рендры - это "Баллада о раненом", "Баллада об убийстве Атомо Карпо", "Плач" и др.

"Баллада о девушке Джамиля, борца" напоминает "Сомнамбулический романс" Лорки. У Лорки - смертельно раненый контрабандист и его возлюбленная, не дождавшаяся его, "как в сомнамбулическом сне шагнувшая через решетку и погрузившаяся в зеленую воду, в зеленый мир своих видений". /Д.Осват, Гарсиа Лорка, Москва, 1965, стр.203/. У Рендры - настигнутый и убитый преследователями бунтовщик Джамиль и его девушка, вошедшая в реку, чтобы умереть, с воспоминаниями о преследовании Джамиля, переходящими в предсмертный бред, "Сомнамбуличность" ритма создается у Лорки анафорическим повтором, проходящим через все стихотворение: "Люблю тебя в зелень одетой...", у Рендры - трижды повторяющейся анафорой: "И в реку она вошла..."

Стихотворение Рендры "Нож на дороге" из сборника "Четыре книги стихов" перекликается, на наш взгляд, со стихотворением Лорки из книги "Канте Хондо" "Что случилось?" У Лорки - образ неизвестного убитого, лежащего на дороге под светом уличного фонаря, с ножом в груди. Отголоски этого образа можно найти в другом его стихотворении "Перекресток", где образ "ножа в сердце" преследует поэта, становится наваждением, а в стихотворении "Кинжал" - страх перед этим "ножом - в сердце" звучит в рефрене: "Нет, не вонзайся мне в сердце, нет". Стихотворение Рендры начинается так: "Нож остался лежать на дороге, /И солнце дрожало на нем./ Нож остался лежать на дороге, /И на лезвии запекаясь кровь..." У Рендры нет убитого, только нож на дороге и вызываемый им в воображении поэта труп убитого. Но здесь есть главное, что сближает это стихотворение со стихотворением Лорки "Что случилось?": убитый никому не известен, как неизвестна и причина убийства, прохожие безразличны, убитый одиночек в своей смерти.

Трагедия одиночества убитого усилена в стихотворении Рендры тем, что и природа - облака - здесь полны злого умысла /это - редкий случай в поэзии Рендры/, и это тоже сближает стихотворение с Лоркой, потому что у последнего луна, /которая является центром мира природы как у Лорки, так и у Рендры/ - против людей

и заодно со смертью, в то время как у Рендры луна, как правило, с гонимыми, преследуемыми, в ней черпают силы. Употребляемне Рендрой здесь метафорический оборот, эпитеты тоже напоминают поэтические тропы Лорки: "Облака проклятия/Со смертями в кармане/Прячут лицо/С затаенной злою улыбкой/".

Стихотворение Рендры "Баллада ожидания" - о девушке, ожидающей понапрасну жениха и увядающей в этом ожидании, вызывает в памяти драму Лорки "Донья Росита, или язык цветов". Драма начинается в девятидесятых годах и заканчивается в девятьсот десятом, это трагедия целой жизни одинокой женщины в испанской провинции. Можно сказать, что в этой драме Лорки и в стихотворении Рендры есть одно общее, хоть и невидимое действующее лицо - это Время. Оно в соединении с губительной верностью героини призраку, диктуемой самим укладом жизни испанской женщины у Лорки и индонезийской у Рендры, приводит к печальному концу. В "Балладе ожидания" присутствие и неуклонное течение Времени проявляется в настойчивом повторении слов "Она ждет перед окном...", а следующая за этой анафорой часть строки каждый раз заставляет заново ощутить ход времени, отмечая новые признаки уходящей молодости и приближающейся старости. Эти анафорические повторы похожи на монотонное отстукивание часов, на веки в непрерывности течения времени.

Центром мира природы, как уже говорилось, и у Лорки, и у Рендры является Луна. Как же изображают ее эти поэты? Луна у обоих - живое существо, любимый персонаж, интересный своими взаимосвязями с людьми. Во-первых, Луна - существо могущественное, наделенное огромной магической силой. В стихотворении Рендры "Царство танцовщицы" она предстает в образе танцовщицы, мистически-прекрасной и соблазнительной. Язык ее здесь - мистически-эротический. Мир фантазии и мистики, представленный в стихотворении "Фиолетовая серенада" - это царство Луны, которая здесь всемогуща, как говорит Рендра: она способна обручать ведьм. Следующее за ним стихотворение "Под луной" - любовная фантазия в мистическом лесу под луной.

У Рендры Луна - это радость, таинственная сила, наполняющая все жизнью, без Луны все мертво. Исчезновение Луны воспринимается как измена с ее стороны, предательство.

У Лорки Луна в мистическо-эротической "функции" - частый

образ, хотя и такая луна, как всегда у Лорки, неожиданно-своеобразна. Например, в противоположность традиционному, высоко поэтичному образу луны, ставшему традиционным мистическому ее восприятию, Лорка иногда нарочно снижает этот образ, "приближает" луну к земле: так, у него встречается сравнение луны с лимоном, а также с чесночной долькой, а в стихотворении "Две вечерних луны" из "Лунных песен" поэт слегка - шутивно в форме детской песенки говорит о ней так: "Луна говорит, чуть не плача: /Хочу быть апельсином тоже". /"Но это, дитя, невозможно, /Хоть розова ты и свежа. /Не быть тебе даже лимоном, /Как жаль".

Не всегда Луна у Рендры могущественна, иногда это существо, вызывающее острую жалость и сострадание. В стихотворении "Луна над Джакартой" Луна, не вынесшая ослепительного потока электрического света, упала в обморок, но только ребенок заметил это: "Луна упала в обморок/Над городом Джакартой,/Но никто не обратил внимания" - эта строфа повторяется в начале и конце стихотворения. Для толпы Луна - "Кисла, как кожура лимона" и "бессильна". Но ребенок тоскует по "волшебному глазу неба", по "таинственному дыханию" Луны. Она будит жалость в детской душе - так она "тиха и одинока".

В стихотворении "Чиливунг" Луна, как старая, усталая женщина, на которую никто не обращает внимания, бредет над городом.

Эта черта слабости, уязвимости есть и у Луны Лорки - в стихотворении "Про луну, про луну" /из "Цыганского романсеро"/. Там Луна в награду за любовь мальчика к ней, за то, что он не хотел дать ее в обиду людям, навевает мальчику сон, в котором они отправляются вместе гулять по небу.

У Рендры, как уже говорилось, Луна - с побежденными, гонимыми несчастными. В стихотворении "Баллада о раненом" раненому плохо потому, что "серный дым застал ему глаза", и он не может видеть Луну: общение с ней жизненно-необходимо, целительно. В стихотворении "Плач" бледная и скорбная Луна - это образ страдающей и любящей матери; лик Луны заменяет беглецу лицо матери, в нем он должен найти утешение. В "Балладе о девушке Джамиля, борца" глаза входящей в воду, чтобы умереть, прикованы к Луне. А в "Сомнамбулическом романсе" Лорки раненый беглец твердит в предсмертном бреду: "О, дайте, дайте подняться к высокой лунной ограде...". И еще: у Лорки быть на Луне - это значит быть на небе, в раю /"Песня матери Амарго" из "Канте Хондо"/.

У Рендры в одной только "Балладе об убийстве Ато Карпо" Луна помогает не преследуемому, но преследователям: "Предательский месяц на верхушках деревьев тело свое полирует", и "Ато Карпо проклинает месяц злосчастный и злую судьбу". Но причина этого, видимо, в том, что Ато Карпо - злодей, и Луна принимает участие в наступившем его возмездии. Она всегда справедлива у Рендры. /Интересно, что и у Рендры, и у Лорки взаимоотношения Луны и героев всегда адекватны: у Рендры Луна предаёт Ато Карпо, и он её проклинает, а у Лорки в "Сомнамбулическом романсе" "цыганский месяц тревожен" - это повторяется неоднократно, он - "за" беглеца, и смертельно раненый тянется к нему/.

В драме Лорки "Кровавая свадьба" Луна, /которая дана в перечне действующих лиц наравне с другими/ играет роль возмездия - она в сговоре со Смертью. Она "кровавая": ей холодно, и она хочет кровь, которая прольется, оживить свои щеки, согреть белые пальцы; хочет проникнуть в сердце, когда оно умрет в груди, чтобы согреться. Но это возмездие за любовь, хоть и греховную. У Рендры Луна гуманнее.

Если у Лорки Луна и Смерть выступают вместе не только в этой драме, но и в стихотворении "Пляшет Луна в Сант-Яго", где строка "Пляшет луна над долиною мертвых" повторяется с вариациями через строфу, то в стихах Рендры нет этого сочетания Луны и Смерти, Луны и крови. Пожалуй, только в балладе о "Бедном Кобане" магическая сила Луны, способной завладеть душой человеческой, употреблена "во зло": тоска, печаль, страсть, снедавшие большого юношу, оказываются страстью к Луне; Луна в крови, плачущая оранжевыми слезами, завладела сердцем юноши, поглотила его целиком.

Обращение к Луне "дитя" у Рендры, очевидно, - от Лорки /см. "Лунные песни" Ф.Гарсиа Лорки/. У Рендры Луну называют: "Дитя, хранитель ночи", "Дитя, пастух рассвета" /стих. "Мужчины, проходящие по дороге" из сборн. "Четыре книги стихов"/.

Что касается других формальных приемов, помимо отмеченных выше, то можно отметить наличие у Рендры общего с Лоркой внутреннего монолога - строки, выделенные курсивом или скобками - у Лорки, и скобки - у Рендры.

Интересны такие сходные у этих поэтов метафорические обороты: у Лорки - в стих. "Умерший от любви" из "Цыганского романсеро": на небе "посуду медную чистят", у Рендры - в стих. "Мужчины,

проходящие по дороге" из "Четырех книг стихов": "на небе души умерших уже мнут красные тарелки", что, по-видимому, означает закат.

Наличие некоторых сходных черт образов и мотивов, а также общих моментов поэтики не дает оснований говорить о заимствованиях индонезийского поэта Рендры у Лорки. Но можно полагать, что вследствие некоего родства творческих индивидуальностей этих поэтов и того, что поэзия Лорки была по духу очень близка Рендре, — последний испытал воздействие поэзии Лорки, возможно, до некоторой степени подсознательно, что и проявилось впоследствии в ряде его стихотворений. К тому же, как можно заметить из наших наблюдений, общие моменты с поэзией Лорки всегда преломлены у Рендры по-своему.

З.Н.Ворожейкина

О СПЕЦИФИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕКРАСНОМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Своеобразие персидской литературной эстетики эпохи средних веков определялось во многом широким распространением художественного метода т а к л и д. Зародившись в домонгольское время, этот метод "творческого подражания" или "творческого варианта" занял в персидском литературном процессе XIV-XIX вв. господствующие позиции.

Поставив во главу угла самоценность отдельного образа, отдельной метафоры, художественный метод творческого подражания повел к закреплению в литературе устойчивых инвариантных элементов, прежде всего — романтических сюжетов. Известно, например, что одно только сказание об Иосифе Прекрасном насчитывает в персоязычной литературе до трех десятков обработок.

Развитие литературы, согласно т а к л и д у, шло по пути накопления и умножения инвариантных элементов. В поэзии малых форм также выработался достаточно узко определенный круг повторя-